

УДК 321.1 (574)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СТРУКТУРНО – ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РЕГИОНЕ**Сарсекеев М.М.***Алматинский Университет Энергетики и Связи, Алматы, e-mail: aipet@ aipet.kz*

Одним из таких существенных факторов, угрожающих в настоящее время международной безопасности, являются многочисленные внутри политические и региональные конфронтации, которые возникли после распада тоталитарных режимов. Они стали следствием существовавших в прежние годы многочисленных латентных социокультурных и политико-правовых противоречий. Значительное развитие кризисные явления получили на постсоветском пространстве. Образовавшимся на месте СССР новым государствам необходимо, учитывая имеющиеся угрозы, в исторически короткий промежуток времени создать основы своего суверенного существования. Принимая во внимание многовариантность имеющихся политических рисков, как следствие дезинтеграции существовавшей политико-экономической системы, то проблема сохранения внутриполитической стабильности и социальной консолидации для суверенных государств является приоритетной.

Ключевые слова: политические процессы, регионоведение, геополитика, системные противоречия, постсоветская Центральная Азия

MODERNIZATION OF POLITICAL SYSTEMS IN CENTRAL ASIA AND THE STRUCTURAL – FUNCTIONAL CONFLICTS IN THE REGION**Sarsekeev M.M.***Almaty University of Power Engineering and Telecommunications, Almaty, e-mail: aipet@ aipet.kz*

One such significant threats to international security now are numerous political and regional confrontations that emerged after the collapse of totalitarian regimes. They were the result existed in previous years, numerous latent socio-cultural and politico-legal controversy. Significant development of the crisis have received post-Soviet space. Formed on the place of the USSR the new Member States must, given the existing threats in a historically short period of time to create the foundations of their sovereign existence. Taking into account a lot of variation existing political risks as a result of disintegration of existing political and economic system, the problem of maintaining political stability and social consolidation of sovereign states is a priority.

Keywords: political processes, regional studies, geopolitics, system conflicts, post-Soviet Central Asia

Целью данной работы является исследование существующих структурно-функциональных противоречий в современной постсоветской Центральной Азии и обоснование необходимости проведения политики системной модернизации для уменьшения региональной и внутренней конфликтогенности, а также для укрепления политической стабильности суверенных государств.

Методы: системный, структурно – функциональный, сравнительный, институционально – нормативный.

После распада СССР в странах Центральной Азии начались процессы государственного строительства. Бывшие союзные республики, освободившись от протектората метрополии, выбрали путь создания основ национальной государственности. Перед каждым из них стояли решения непростых проблем системного характера, доставшиеся от предыдущего общественного строя. Независимые государства провозгласили о необходимости перехода к рыночной экономике, демократизации политической жизни, приверженности к общечеловеческим ценностям. Однако политические реалии оказались значительно сложнее, чем

самые позитивные планы и первоначальные ожидания. «Совокупность внутренних, культурных, региональных и международных факторов лежат в основе большинства конфликтов в регионе, усложняя каждый из них, а также препятствуя всем усилиям по снижению существующих угроз. Хотя каждая ситуация уникальна, однако имеются несколько факторов, оказывающие влияние на такого рода противоречия. Среди них главное место занимают местным и культурным особенностям, включая советскую традицию, этнические и конфессиональные различия, не стабильности транзитного периода, рост коррупционных проблем и экономического неравенства» [1].

Возникновение авторитарных систем правления в Центральной Азии имеет объективное основание. Транзитный период, который переживают государства региона, характеризуется перманентными кризисными явлениями. В политической культуре переходного периода наблюдается дефицит рациональных форм поведения в деятельности субъектов политики и снижение потенциала нормативно-ценностных механизмов регулирования общественных от-

ношений. Однако стоит заметить, что жизнеспособность существующих режимов в регионе имеет историческую перспективу лишь в том случае, если они в состоянии будут не только предложить, но и обеспечить стабильность в обществе путём создания необходимых предпосылок и условий для качественных изменений в политико-экономической и социокультурной сфере. В этом смысле в регионе имеется несколько вариантов политического развития, которые достаточно четко определяют формат политического пространства как поступательно развивающегося либо как неустойчиво изменяющегося.

В этом плане перед политическими системами Центральной Азии возникают несколько политических дихотомий или альтернатив стратегического характера, которые имеют свой алгоритм развития и долговременные тренды стабильного или конфликтного сценария.

Первая дихотомия развития заключается в необходимости выбора политики укрепления централизации государства либо усиления потенциального риска монополизации политической власти. Строительство основ суверенной государственности проходила в условиях масштабного кризиса. Стояла реальная угроза разрушения не просто политических институтов, но и всей системы жизнеобеспечения общества. Необходимо было обеспечить элементарный общественный порядок, чтобы поддержать саму возможность жизнедеятельности социальных структур. Необходимым условием для выполнения этой задачи было укрепление властной вертикали. Бесперебойное функционирование системы жизнедеятельности, обеспечение населения продовольствием, поддержание правопорядка и т.д. – все это объективно диктовало необходимость укрепления централизации власти. Далее нужно было осуществлять первоочередные мероприятия, направленные на решения текущих политико-экономических задач. Потом требовалось проведение структурных реформ, направленных на институциональную модернизацию государства.

Однако по мере укрепления политико-административной вертикали централизация власти стало всё больше проявляться в опасности её монополизации. «Супер-президентские системы по своей природе характеризуются отсутствием механизмов подотчётности, поскольку руководство сосредотачивается на контроле или запрещении политической или демократической оппозиции. Однако, они часто игнорируют или не могут контролировать проблемы внутри

госаппарата и системы протекционизма, на которые они опираются». [2] Между этими двумя явлениями существует определённая понятийная аберрация. Однако смысловые и функциональные различия между ними всё же имеются. Основным критерием для этого служат отличия в функциональном и телеологическом содержании этих дефиниции. При централизации власти происходит усиление политико-административной власти, но при этом обеспечивается существенная автономия в деятельности судебной и законодательной власти, в работе СМИ, бизнес структур. Может накладываться определённые ограничения в их функционировании, что связано, как правило, с условиями чрезвычайного периода. Но если этот процесс начинает приобретать самодовлеющий характер, то тогда процесс централизации власти, как правило, начинает трансформироваться в её монополизацию. Отличительными признаками этого явления становится слияние деятельности государственной власти и непосредственно с ней аффилированных экономических структур, а также существенное ограничение в функционировании институтов выборной демократии. Нередко это также сопровождается ростом влияния различных неформальных групп на принятие и реализацию властно значимых решений государственными органами. Таким образом, можно сказать, что степень и объём концентрации власти определяют как политический формат, так и характеризуют режим функционирования властной вертикали. То есть, является государство политическим институтом, выражающим интересы общества, или политико-административные структуры выполняет больше функции обслуживания интересов определённых политических групп и влиятельных группировок. В первом случае централизация власти служит инструментом для создания необходимых условий для поступательного развития страны. Во втором же случае итогом централизации власти станет её чрезмерная концентрация, и как следствие этого, увеличение потенциала конфликтности в результате не пропорционального распределения ресурсов власти среди субъектов политики.

Вторая дихотомия: сохранение состояния политической стабильности или обеспечение государственной устойчивости. В транзитных системах одной из наиболее острых внутри политических проблем становится задача сохранения стабильного характера развития общественных отношений. В переходный период происходит глубокие структурно-функциональные изменения. Происходящие перемены

затрагивают все сферы жизнедеятельности общества. Необходимость осуществления нередко фундаментальных преобразований предоставляет для такого рода государств один из не многих шансов попробовать адаптироваться к новым вызовам времени. В противном же случае у такой страны существует реальный риск оказаться вне пространственно-временного контента своей эпохи и безнадёжно отстать от глобальных процессов исторического развития. Однако реформы сами могут стать при определённых условиях фактором, оказывающим дестабилизирующее влияние на политические процессы в стране. Дело в том, что проведение реформ объективно может стать иницирующим фактором возникновения роста дисбалансированности опорных конструкции и синергетических процессов внутри социально-политической структуры. В этом случае значительно повышаются риски образования новых структурных деформаций, вследствие которых могут получить своё развитие мощные центробежные тенденции. Процессы автономизации в случае недостаточной упругости механизмов внутренней стабилизации или значительном распространении в обществе кризисных явлений могут вызвать в государстве масштабный коллапс.

Перед политическим режимом в транзитный период нередко стоит фундаментальная проблема выбора политического вектора развития страны и практическая реализация выбранного курса в условиях жёсткого тайм-аута, дефицита финансовых и информационных ресурсов, нередко при достаточно активном противодействии проводимой политики различных движений и сил оппозиционной направленности. Дилемма в этом случае состоит в том, что у правящего режима будет два варианта выбора и проведения политического курса. Первый, основной упор делается на сохранение стабильности, под которой очень часто понимается консервация существующих политико-экономических отношений при одновременном осуществлении кое-каких косметических изменений. Политика подобных декларативных решений может иметь до поры до времени определённый позитивный потенциал. Однако, политика полумер это скорее временный компромисс, нежели выбор стратегического направления развития страны. Такого рода непоследовательность в реализации реформ может привести к тому, что политические процессы приобретут дискретный характер, усилив, тем самым, существовавший прежде в обществе эффект дестабилизации. Второй вариант состоит в осуществлении

системных реформ, а именно последовательном и масштабном проведении структурных преобразований, направленных на создании таких институционально-нормативных механизмов, которые наиболее лучшим образом соответствовали бы новым стратегическим задачам развития страны. В этом смысле политическое искусство проведения реформ состоит в том, чтобы суметь по возможности чётко синхронизировать между собой политические решения и выбор тех временных интервалов их осуществления для того, чтобы наиболее эффективным образом достичь поставленных целей. В противном случае существуют значительные риски десинхронизации этих процессов, когда реформаторская деятельность властей либо слишком далеко забегает вперед от объективно возможных темпов изменений в обществе, либо, наоборот, скорость осуществления преобразований существенно отстают от динамики социокультурного развития, следствием которых является возникновение кризисов внутренней нестабильности.

Например, «за последние 20 лет Казахстан значительно улучшил свои показатели в области развития человеческого потенциала...» Однако «...в Рамочной программе ООН по оказанию помощи в целях развития на 2010-2015 гг. по-прежнему подчеркиваются существенные расхождения между задачами местных правительств и потенциалом, необходимым для их осуществления. В ней также подчеркивается недостаточное развитие организаций гражданского общества, сдерживающее их вовлеченность в процесс и ограничивающее справедливый доступ». [3]

Третья дихотомия: осуществление паллиативных изменений политических институтов или проведение системной политики развития государства. Повышенной конфронтационностью в постсоветских республиках отличаются сферы, связанные с выбором экономической политики, способами проведения политико-административных реформ, социокультурной идентификацией общества. Предметом спора являются вопросы справедливого распределения экономических активов между политическими группировками и социальными группами, объёмов полномочий и способов политического участия между элитами и населением, между провозглашенными принципами и реальными возможностями их осуществления. Проблема нередко заключается в том, что расширение демократических требований снизу не всегда могут реализоваться в связи с тем, что в переходный период существенно сокращаются объ-

ёмы активов страны. И поэтому, нередко, ресурса необеспеченные запросы, как правило, становятся источником и предметом конфликтных споров.

Решение этих проблем возможно в долговременной перспективе и связано с успешным проведением системных реформ. Смогут ли правящие элиты и политические лидеры найти эффективные способы и необходимые средства для проведения реформ, а народ убедить в необходимости осуществления перемен, а также создать для этого функционирующие механизмы реализации принятых программ и актуальных запросов общества, от этого зависит, в конце концов, выполнение принятых программ. В этом смысле необходимо не просто проведение реформ, а осуществление качественных преобразований. Достижение этой цели связано с реализацией задач системного развития, под которыми понимаются такие структурные и нормативные изменения, которые бы вызвали качественные сдвиги институционально-ценностного характера, и как следствие достижение более высокого уровня своего развития. «Развитие призвано изменять общество, чтобы повышать благосостояние людей на протяжении поколений: обогащать их выбор в сферах здоровья, образования и дохода, расширять их свободы и возможности для значимого участия в общественной жизни. Общей чертой стран, осуществивших подобные преобразования, является сильное проактивное государство, называемое также «государством развития». Этим термином определяется государство с активным правительством и, зачастую, аполитичной элитой, которые считают быстрое экономическое развитие своей первоочередной целью» [4].

Задача сохранения стабильного положения и в тоже время необходимость осуществления системных реформ внутренне противоречива и может явиться фактором возникновения перманентных конфликтов. Проблема заключается не только в их внутренней противоречивости, но и в том, что субъект реформ – государственная власть, может сама стать источником, вызывающим проявление нестабильности. Дело в том, что для успешного осуществления реформ необходимо формирование достаточно широкого социально-политического фронта из числа их сторонников. Однако мобилизационные возможности политических режимов переходного периода, как правило, ниже, чем объективные потребности общества в этом. Излишняя централизация власти приводит к значительному сужению потенциальной социально-политической

базы сторонников реформ, а сами реформы начинают пониматься не столько как проведение качественного обновления всех сторон жизни, а лишь как количественные изменения отдельных социально-экономических показателей. Таким образом, подмена понятия приводит к смещению акцентов цели реформ. Вместо необходимости системных преобразований, направленных на создание новых структурно-функциональных возможностей, соответствующих вызовом времени, лишь попытки паллиативных преобразований, направленных часто на изменения так сказать фасада, нежели на решения существующих фундаментальных проблем.

В странах ЦА с разной степенью проявления наблюдается эти феномены. Если в Туркмении существует политический застой, в Киргизии и Таджикистане политическая неустойчивость и экономическая несостоятельность, то в Узбекистане и частично в Казахстане можно наблюдать при проведении реформ смещение с их целей на показатели. Увеличение ВВП, объёмов инвестиций, средних доходов населения и т.д. являются важными показателями, но они лишь демонстрируют динамику текущей конъюнктуры. Если задать вопрос о внутренних факторах этого роста, то ответ очевиден – высокие экспортные цены и увеличение объёмов добычи сырьевых ресурсов. Помогая решить многие насущные проблемы, подобная политика в стратегическом аспекте неперспективна. Главная проблема политической системы переходного периода в этом смысле заключается в том, что она способна провести ускоренную мобилизацию имеющихся ресурсов, и тем самым, обеспечить достижение определенных показателей социально-экономического и политического роста. Но достижение целей системного развития возможно лишь при создании эффективно действующих каналов взаимобратной связи между властью и населением, а также нормально функционирующих механизмов широкого общественного участия в процессах проводимых реформ. Эти задачи выходят за те функциональные границы, которые в состоянии обеспечить существующие системы. Эти задачи могут реализоваться лишь при самом активном вовлечении в процессы реформ широкой коалиции общественных сил – социальных, профессиональных, конфессиональных, этнических групп, заинтересованных в демократических преобразованиях и разделяющие ценности социальной ответственности и политической устойчивости.

Поэтому централизация политической системы в условиях транзитного периода,

с одной стороны, объективно востребована и призвана обеспечить стабильность протекания общественных процессов. В Центральной Азии с момента приобретения независимости наблюдается глубокие кризисы структурного, нормативного и функционального характера. В обществе достаточно широко распространены настроения политической апатии, социального иждивенчества, деликтного поведения. Но с другой стороны, преодоление депрессивных явлений возможно только при создании институтов и условий, стимулирующих возникновение точек роста и появление трендов развития не столько при помощи средств и способов прямой мобилизации, сколько при поощрении появления различных механизмов непосредственного участия граждан путём пробуждения их общественной активности и личной

Заключение

Процессы трансформации постсоветской Центральной Азии сопровождаются различными по масштабам и интенсивности конфронтационными проявлениями, которые затрагивают в той или иной степени все сферы жизнедеятельности этих государств. Факторы и условия их возникновения, причины и возможные последствия имеют непосредственное влияние не только

на внутривосточные процессы, но и оказывают существенное воздействие на региональные отношения. В настоящее время в регионе существует достаточно большое количество рисков нестабильности, которые угрожают состоянию внутривосточной и региональной безопасности. Центральная Азия – крупный геополитический регион, состояние дел в котором имеет не только континентальное, но и глобальное значение, особенно в таких чувствительных сферах как религиозный экстремизм, международный терроризм, трансграничный наркотрафик. В свою очередь стабильность в Центральной Азии во многом является следствием того, каким образом и насколько успешно региональные государства смогут решить свои внутривосточные противоречия системного характера.

Список литературы

1. Центральная Азия 2010. Перспективы человеческого развития / Региональное бюро по странам Европы и СНГ. – ПРООН. – С. 174.
2. Хейвуд Э. Политология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 419.
3. Оценки в системе государственного управления: Сборник материалов международной конференции. – Алматы, 2012. – С. 74–75.
4. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение юга: человеческий прогресс в многообразном мире. – UNDP UN Plaza, NY10017, USA. С. 66.